

ЮБИЛЕЙ

В 2013 году исполняется 400 лет воцарения династии Романовых и венчания на царство первого монарха их новой династии — Михаила Фёдоровича.

ПРИРОДНЫЙ ЦАРЬ МОСКОВСКИЙ...

**Наш собеседник — педагог, историк и писатель
Александр Васькин, исследователь нашей
Первопрестольной столицы.**

Какую роль сыграла Москва — город, давший название царству — в событиях четырёхсотлетней давности?

А. В.: 1613-й год стал не только началом царствования новой российской династии. Значение сего факта гораздо более весомо и выходит за рамки конкретного исторического периода, являясь поворотной точкой всей ИСТОРИИ нашей страны. По сути, Романовы стали первой истинно московской династией. Ведь не будем забывать, что князь Рюрик Новгородский, потомки которого правили на Руси с 862 года, был фигурой загадочной, легендарной. Точное место его рождения неизвестно. Чего не скажешь о Романовых — даже не та или иная усадь-

ба или обитель, а сама древняя Москва была их родовой вотчиной. В Первопрестольной родился и первый царь из династии Романовых — Михаил Фёдорович, и его сын Алексей Михайлович, и его венценосные внуки — Софья, Фёдор, Иван, Пётр... Коренные москвичи.

Призвание боярского рода Романовых на царство в противовес тем, кто в 1613 году вновь было пытался посадить на кремлевский трон варягов, означало окончательное самоопределение различных элит российской власти, продемонстрировавших свою решимость поступиться личными местническими интересами ради прекращения кровопролитной смуты и окончательного

«собирация» страны. Речь шла о спасении государства.

Можно только представить, какой тяжелейший груз лёг на плечи шестнадцатилетнего Михаила Романова, наделённого в 1613 году не только атрибутами царской власти (среди которых была и шапка Мономаха, и держава со скипетром), но и взвалившего на себя огромную ответственность ради возрождения разорённой страны. Имелось и ещё одно важнейшее обстоятельство: первые шаги юного царя должны были восстановить доверие к московской власти, утраченное за годы Смутного времени, когда один за другим предъявляли претензии на власть самозванцы всех мастей — Лжедмитрий 1-й, 2-й, 3-й...

Нужно было поднимать авторитет власти — без него и самые крепкие царства разваливались...

А. В.: В том далёком 1613 году Михаилу Романову предстояло стать главой династии, которой суждено было разделять и властвовать на протяжении последующих трёх столетий. Немало побед и поражений пережила Россия под царской короной Романовых. Но эти три века превратили Московское царство в Российскую империю — мощную державу с самой большой территорией в мире, способную взять под защиту не только собственное насе-

ление, но и братские славянские народы. А к 1913 году Россия стала мощной и влиятельной экономической державой.

А что же Москва? Какую роль сыграл «коренной России град» в этой истории?

А. В.: Москва впитала в себя саму суть государствообразующих процессов романовского царствования, пожертвовав своим столичным призванием ради прогрессивного развития страны. Судьбоносные вехи создания Российской империи отражались на Москве незамедлительно и чрезвычайно сильно. Так, реформы Петра Великого привели к тому, что на берегах Невы возник новый город, провозглашённый столицей империи. Но даже перенос столицы в Санкт-Петербург не разорвал кровной связи Романовых с Москвою. Эта связь стала ещё более крепкой, приобретая метафизический характер. Не Санкт-Петербург, а Москва была настоящим сердцем империи, которое неоднократно пытались поразить недруги и враги России (недаром именно на Москву двинул свою армию Наполеон).

Есть ли в современном мегаполисе пространство Москвы 1613 года? Наверное, в Кремле сохранилась отчасти атмосфера того Венчания на царство...

А. В.: Кремль кровно связан с царской династией Романовых. И если Успенский собор символизирует канун царствования, то Архангельский станет местом их последнего упокоения, вплоть до Петра 2-го (все последующие после него самодержцы найдут своё последнее пристанище в соборе Петропавловской крепости).

В феврале 1613 года в Успенском соборе Кремля начался Земский собор — можно сказать, что начало трёхсотлетию правлению династии Романовых было положено именно в этом древнем православном храме, находящемся в самом сердце Москвы. Белокаменный собор был возведён итальянским зодчим Аристотелем Фиораванти в 1475–1479 годах, при Иване III. На сегодняшний день Успенский собор является старейшим московским зданием, пережившим многочисленные пожары Первопрестольной (и даже 1812 год).

А на тот момент Успенский собор был ещё и самым большим зданием, способным вместить в себя всех участников собора. Число приехавших в Москву делегатов из всех городов и весей России до сих пор служит предметом спора — называются цифры и в 800, и 1000, и даже 1500 человек. Представители самых разных земель и сословий разорённой смутой страны собирались

на собор долго, сроки его начала неоднократно переносились.

Главные события восхождения Романовых на трон произошли на Красной площади — здесь у Спасских ворот древнего Кремля в мае 1613 года одолевший Смуту русский люд встречал крестным ходом юного царя Михаила Романова.

А 11 июля 1613 года (именно на эту дату указывает Соловьёв), удобный и правым, и левым, боярский сын Михаил Романов, был венчан на царство в Успенском соборе.

А родился первый царь из династии Романовых неподалёку от Кремля в родовом гнезде семьи — боярской усадьбе в Зарядье, или «За рядами», как говорили в Москве. Сегодня от усадьбы остались лишь белокаменные палаты на Варварке (дом № 10) — разумеется, перестроенные и реконструированные, но сохранившие дух старомосковского уклада. Когда-то в конце 15 века усадьба принадлежала деду Михаила Романова — боярину Никите Романову. Обширный боярский двор попал даже на карту Москвы 1613 года.

Как происходило венчание на царство Михаила Фёдоровича?

А. В.: Об этом лучше всего спросить у непосредственного участника событий — Авраамия Палицына: «Возведён же

бысть благородный благоверный от Бога избранный и Богом дарованный великий князь Михаил Феодоровичь всея Руси самодержець на великий и превысочайший царьский его престол Московского государьства и многих государств Росийския державы во вселенстей велицей церкви Пресвятыя Владычица наша Богородица и Приснодевы Мариа, честнаго и славнаго Ея Успения (имеется ввиду Успенский собор — *А. В.*); венчан бысть рукою пресвященнаго Кир Ефрема, Божию милостию митрополита Казаньскаго и Свиязскаго, в лето 7121-е (1613 г. — *А. В.*).

И седе Богом дарованный благоверный и благородный, прежде рождения его от Бога избранный и из чрева матерня помазанный великий государь царь и великий князь Михаил Фёдоровичь всея великия Росиа самодержець на своём на царьском столе Московского государьства, восприим скипетр Росийския державы многих государьств».

Обратите внимание на эти слова современника: «Богом дарованный благоверный и благородный». Они значат не меньше, чем передающиеся от царя к царю символы самодержавной власти.

Как сочеталось царское и церковное при дворе, в государстве и в Москве в те годы?

А. В.: Оно не то, что сочеталось, а было крепко переплетено. Без церкви не было государства, и наоборот. Характерным примером здесь является Новоспасский монастырь. Эта старинная обитель на берегу Москва-реки занимает в истории дома Романовых своё особое место, недаром столько внимания уделял Михаил Фёдорович обустройству и обороне монастыря. Так, в 1640 году за счёт казны вместо деревянного частокола обитель окружили мощной крепостной стеной с башнями-бойницами.

Церковное строительство вообще было составной частью государственной политики первых царей династии. Тщанием Михаила Фёдоровича к 1645 году был возведён и Спасо-Преображенский собор, где уже при Алексее Михайловиче совершал богослужения архимандрит Никон — будущий патриарх-реформатор, во многом повинный в трагедии Раскола. В то время между Никоном и Алексеем Михайловичем не было противоречий относительно перспектив развития Русской православной церкви. Более того, сам собор, строгая простота его пятикупольного образа, перекликающаяся с образами кремлевских храмов — символов романовского царствования, вполне отвечал взглядам Никона, противника всякого рода

«обмирщения». Никон не просто пользовался личным доверием Алексея Михайловича — он был назначен служить наместником Новоспасского монастыря по царской просьбе.

И у Михаила Фёдоровича, и его сына было основание заботиться и о защите монастыря, и о его развитии — здесь в подклете Спасо-Преображенского собора с давних пор находилось захоронение старинного боярского рода Романовых. Правда, тогда они ещё носили другие фамилии.

Неудивителен тот пиетет, с которым Михаил Фёдорович относился к монастырю. Он часто бывал здесь, как и его сын Алексей Михайлович, участвуя в молебнах на могилах своих предков. Монастырь точно расцвёл при первых Романовых.

Летопись свидетельствует: «1633 ода января 23 день. Ходил Государь к Спасу на Новое к вечерней панихиде. А на Государе было платье: шуба санная, сукно тёмно-вишнёво; зипун комнатной, шапка, сукно вишнёво с тафтяными петли; да в запас отпущено: стул сафьяной, подножье тёплое меньшее, кабеняк лундыш вишнёв, три суконца кровельных».

А вот интереснейшее свидетельство от 6 августа 1662 года: «Обедни государь (Алексей Михайлович — *А. В.*) слушал у праздника Преображения Спасова

Нового монастыря. А на Государе было платье; фerezия, сукно скорлат червчет, с широким кружевом, холодная; фerezия, атлас бел, испод соболий, зипун без обниси, шапка, бархат двоеморх шафранного цвета с большими запоны».

Исторические источники отмечают, что особенно часто — каждую неделю! — приезжал в монастырь царь Фёдор Алексеевич. Это случилось после погребения здесь его тетки Ирины Михайловны. Царь, следуя примеру деда и отца, щедро раздавал милостыню монастырской братии.

Видели в Новоспасском и царей-братьев Ивана и Петра. А в 1716 году Пётр 1-й, выражая особое своё отношение к монастырю, велел отлить для него большой колокол. А ведь в это время Россия воевала с Швейцарией, и согласно указу императора церковные колокола переливали в пушки!

Но чем меньше романовской крови было в каждом следующем монархе, тем реже они посещали могилы предков. Последней, кто привечала монастырь, была Елизавета Петровна. А уж при Екатерине 2-й ни о каком особом отношении к Новоспасскому не было и речи — зов предков манил её совершенно в иные края. Считанные разы бывали здесь Александр 1-й и Николай 1-й.

1812 год огненным ураганом прошёлся по обители — многие гробницы Романовых были утрачены, осталось чуть больше тридцати. Восстановить родовую усыпальницу решил Александр 2-й в 1857 году, в результате чего гробницы были отделаны белым камнем.

Последним из Романовых, чей прах нашёл пристанище в родовой усыпальнице в 1995 году, стал великий князь Сергей Александрович, погибший от бомбы террориста Ивана Каляева 4 февраля 1905 года.

Насколько искренней и глубокой Вам видится религиозность тогдашних царей? Что это — в большей степени веление сердца или политический антураж?

А. В.: Первые цари из династии Романовых были на редкость набожными людьми. Недаром, избрание Михаила Фёдоровича на русский престол произошло «по Божьей воле». Вера в Бога воплощалась у Романовых, в том числе, и в строительстве Русской Православной Церкви — основании храмов и монастырей, в щедром жертвовании богатых даров и вкладов на развитие церковной жизни. Одним из самых известных, возникших таким образом монастырей, является Страстной, стоявший ранее на одноимённой площади, известной ныне как Пушкинская.

История возникновения Страстного монастыря такова. Однажды до Михаила Фёдоровича дошла весть о чудотворной иконе Божией Матери Страстной, приносящей выздоровление и исцеление от тяжёлых недугов. Царь захотел самолично увидеть чудотворный образ. И 13 августа 1641 г. по икону «греческого письма, два аршина длиной и шириной» торжественно принесли в Москву. У Тверских ворот Белого города образ встречали празднично и, как говорится, всё миром: сам царь, его сын и наследник Алексей и патриарх Иосиф, а также «другие официальные лица», т. е. тьма народу. А посему с тех пор 13 августа по старому стилю считается днём прославления Страстной иконы Божией Матери. Происхождение этого большого церковного праздника связано со Страстной площадью.

Иконография Страстной Богоматери относится ещё к XII веку. Особенностью именно такого изображения Богоматери является поза Иисуса Христа, который держит обеими руками большой палец правой руки Богоматери и, обернувшись, смотрит на орудия Страстей в руках ангелов. В церковнославянском языке слово страсти означает «страдания», «мучения».

Внимание царя к чудотворной иконе можно объяснить его естественным желанием излечиться

от нездоровья. Человек он был болезненный, и без того слабый духом, испытывал он и частые физические страдания. Быстро утомляли его и езда, и ходьба, и даже долгое сидение на троне. К тому же иностранные лекари нашли у царя признаки водянки. Первая жена его умерла вскоре после свадьбы, а из трёх сыновей от второго брака выжил лишь один. Всё это тяжёлым спудом давило на слабую и впечатлительную натуру Михаила Фёдоровича.

Неудивительно, что в том же 1641 году на месте встречи иконы у Тверских ворот Белого города царь «повёл возградить церковь камению во имя Пресвятыя нашея Богородицы». В этой церкви и должна была помещаться чудотворная икона, на которую так уповал государь Всея Руси. Но возрадоваться новому храму он не успел, скончавшись в 1645 году.

Закончилось строительство церкви уже при следующем самодержце — Алексее Михайловиче, словно по недоразумению оставшемся в русской истории Тишайшим. И вправду, чего только при нём не случилось: война, смута, соляной и медный бунты, восстание Степана Разина, церковный раскол и многое другое, кровь не прекращавшимся потоком лилась три десятка лет. Но тишайшим был его характер, а не прав-

ление. Такого доброго и мягкого царя подданные ещё не видели. Да и опытные, много чего повидавшие на Руси, заморские посланцы отмечали: какой странный царь у русских — при своей безграничной власти над народом, при выкшим к рабству, не посягнул ни на чьё имущество, ни на чью жизнь, ни на чью честь — сказал, как отмерил, австрийский посол Мейерберг.

Образцом набожности назвал Василий Ключевский царя Алексея Михайловича, которому по наследству перешла не только шапка Мономаха, но и благоговение перед иконой Страстной Богоматери.

Даже Ключевский — этот едкий критик политического лицемерия?

А. В.: Такова уж историческая правда... С любым иноком Алексеем Михайлович мог потягаться в искусстве молиться и поститься: в постные недели он ел один раз в день, и притом, капусту, грузди, да ягоды. А в иные дни и вовсе и не пил, и не ел. По шесть часов кряду стоял он в церкви, отмеривая по полторы тысячи земных поклонов. «Это был истовый древнерусский богомолец, стройно и цельно соединявший в подвиге душевного спасения труд телесный с напряжением религиозного чувства», как оценивал его Ключевский.

Отмеченное в книге «Выходы государей, царей и великих князей Михаила Фёдоровича, Алексея Михайловича и Фёдора Алексеевича» посещение новым самодержцем только что отстроенной церкви («в 1646 году, 25 октября был крестный ход в церковь Страстной Богоматери») позволяет с большой вероятностью предположить, что именно в этот день храм и был освящён. В дальнейшем царь Алексей Михайлович неоднократно бывал на Страстной площади, приходя в церковь, как правило, на праздник Страстной иконы Божией Матери.

А в 1651 г. здесь же, на площади состоялась торжественная встреча царём Алексеем Михайловичем, патриархом Иосифом и боярством принесённых из Старицкого монастыря останков святейшего Иова, Патриарха Московского в 1589–1605 гг. Патриарх Иов, не признавший Лжедмитрия 1-го царём, был лишён самозванцем сана и сослан им в Старицу, где и скончался в 1607 г. Царь Алексей Михайлович пожелал воздать сверженному патриарху посмертные почести, перезахоронив его в Успенском соборе Кремля.

А вскоре после этого благочестивый царь повелел основать у Тверских ворот Белого города «монастырь девичий во имя Страстной Божией Матери». Сосредоточием монастырской жизни стал не храм,

а уже собор Страстной иконы Божией Матери.

Какие обычаи, приметы, идеологии Московской Руси остались актуальными и в последующей истории нашей страны? Что особенно остро воспринимается сегодня?

А. В.: Я бы назвал такую идеологию событий четырёхсотлетней давности, как «природность» первого царя из династии Романовых. Ведь не будем забывать, что, когда участники Земского собора приехали в Ипатьевский монастырь, он и его мать инокиня Марфа принялись отказываться от такой чести, заявив послам, что Михаил Фёдорович царём быть не хочет. По словам Соловьёва, мать будущего царя объяснила: «Сын мой в несовершеннолетних летах, и люди Московского государства измалодушествовались, прежним государям — царю Борису, Лжедмитрию и Василию Шуйскому присягали и потом изменили; кроме того. Московское государство разорено вконец: прежних сокровищ царских нет, земли розданы, служилые люди обеднели; и будущему царю чем служилых людей жаловать, свой двор содержать и как против недругов стоять? Наконец, митрополит Филарет в плену у польского короля, который, узнавши об избрании сына, отомстит за это на отце».

В ответ на это послы успокоили, заявив, что «избран Михаил по Божьей воле, а три прежних государя садились на престол по своему желанию, неправо, отчего во всех людях Московского государства была рознь и междоусобие; теперь же русские люди наказались все и пришли в соединение во всех городах. Послы долго упрашивали Михаила и мать его, грозили, что в случае отказа Бог възыщет на нём окончательное разорение государства; наконец Марфа Ивановна благословила сына принять престол», отмечал Соловьёв. Особо отметим в этих словах историка самую суть событий, сделавшую их судьбоносными: Михаил Фёдорович был *избран* на царский престол, а его предшественники сами *занимали* его. А теперь задумайтесь: разве мало было у нас в истории царей, вождей, президентов, занимавших трон по *своей* воле, а не по высшей?

Итак, Михаилу Фёдоровичу Романову суждено было стать,

как говорили тогда, первым избранным «природным царём». И как бы не упрекали его сторонников в применении так распространённых сегодня административных технологий (а технологии эти активно распространены были во все времена), главным итогом исторических заседаний в Успенском соборе стало официальное прекращение Смуты и долгожданное начало мирного, поступательного развития страны (хотя до мира было ещё далеко — шла война с Польшей и Швецией).

Этой «природности» и не хватало Романовым следующих поколений. Ведь последним представителем мужской ветви рода Романовых был Пётр 3-й, убиенный в 1762 году фаворитами своей жены Софии Августы Фредерики Анхальт-Цербстской. Недаром именно Петром 3-м и провозглашал себя Емельян Пугачев, что нашло весьма живой отклик в народе. Эту «природность» мы до сих пор ищем и в нынешних наших руководителях.